

Л. А. Голышкина

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1016-6103 E-mail: ludmila200273@mail.ru.

Риторическое декодирование текста ритуальной политической коммуникации

АННОТАЦИЯ. Цель статьи состоит в апробации концепции риторического декодирования на материале текста ритуальной политической коммуникации — приветственного диалога Президента России В. В. Путина и Президента Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёева, прибывшего в Москву в связи с 75-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне. Описаны когнитивно-коммуникативные, семиотические и лингвопрагматические основания риторического декодирования. Риторическое декодирование выявляет механизмы создания текста, реализующие замысел субъекта речи в свете его представлений о текстовой эффективности. Вводится понятие риторического текстотипа как ментального образца эффективности, программируемого структурой коммуникативного акта, и когнитивного ориентира для распознавания текстообразующего замысла продуцента. Ведущим методом исследования выступает риторическая реконструкция текстообразования. Она позволяет поэтапно рассматривать способы и средства вербализации стратегий текстообразования — инвентивной, диспозитивной и элокутивной. Риторическая реконструкция выступает инструментом диагностирования эффективности текста, а также выявляет зоны его риторических рисков.

Декодирование указанного ритуального политического текста позволяет квалифицировать его в качестве объекта, эксплуатирующего модель риторического текстотипа. Риторическая реконструкция верифицирует, что в протоколно-этикетном политическом тексте риторические параметры эффективности оказываются подчиненными ритуальности, задаваемой целеполаганием субъекта речи. Ритуальность обуславливает стереотипность используемых политиками аксиологем и тропов, доминирование фатичности над аргументированностью, реализацию зеркального принципа в аргументации, минимизацию актуальности диктумного содержания для массовой аудитории. Указанные явления формируют зоны риторических рисков ритуального политического текста.

Доказана валидность риторической реконструкции как аналитической процедуры, выявляющей механизмы построения типизированного ритуального политического текста и диагностирующей его эффективность. Области применения результатов: практика лингвистических экспертиз, обучение лингвистическому анализу текста и технологиям углубленного чтения, спичрайтинг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; лингвоперсонология; языковая личность; политические деятели; политическая риторика; речевое поведение; политические речи; политическая лингвистика; речевые жанры; президентская риторика; президенты; речевая деятельность; текстообразование; риторическое декодирование; риторическая реконструкция; стратегии текстообразования; ритуальные речи; политическая коммуникация; эффективность текста; риторические риски.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Голышкина Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии факультета гуманитарного образования, декан факультета повышения квалификации, Новосибирский государственный технический университет; 630073, Россия, Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20; e-mail: ludmila200273@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Голышкина, Л. А. Риторическое декодирование текста ритуальной политической коммуникации / Л. А. Голышкина // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3 (87). — С. 56–66. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_05.

ВВЕДЕНИЕ

Современные информационно-коммуникационные вызовы, порожденные действующим в глобализующемся мире принципом «все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [Baudrillard 1981: 119], обостряют потребность в разработке и освоении технологий понимания текстов и механизмов их тексто- и смыслообразования, позволяющих распознавать замысел субъекта речи и диагностировать воздействующие возможности продуктов мыслеречевой деятельности.

Неслучайно Т. ван Дейк и В. Кинч, размышляя о процессе понимания и о формировании теории понимания, указывают, что «нужны как раз основы исследования, ряд принципов и методов анализа, которые можно приложить к конкретным случаям» [Дейк ван 1988: 204]. Свидетельством актуальности изучения феномена понимания выступают многочисленные зарекомендовавшие себя исследовательские подходы — от философской герменевтики до психолингвистических концепций моделирования восприятия и понимания речи [Богин 2001; Гадамер 1991; Жинкин 1958; Залевская

1988; Зимняя 1976; Леонтьев 1997; Рикер 2008; Сорокин 1985; Штерн 1992; Johnson-Laird 1983; Kintsch 1988 и др.].

Обосновываемая нами концепция риторического декодирования текста (далее РДТ. — Л. Г.) представляет такой подход к феномену понимания, который нацелен на реконструкцию механизмов текстообразования, репрезентирующих замысел субъекта речи в свете его представлений о текстовой эффективности.

Видится продуктивным оценить валидность РДТ применительно к текстам ритуальной политической коммуникации, которые стереотипны по своей структурно-содержательной специфике и в силу их частого повторения в типизированных коммуникативных ситуациях подвержены десемантизации [Зарецкая 1998: 48–49], соответственно, обладают меньшими воздействующими возможностями, нежели информационная или убеждающая политическая речь.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепция РДТ формируется в условиях, когда «выделение федерации наук... представляется весьма перспективным» [Чудинов 2020: 11]. РДТ — продукт синтеза аналитической риторики, когнитивистики, семиотики и лингвистики текста. РДТ стоит на «трех китах» — на трех типах теоретико-методологических оснований, объединенных идеей текстообразования, — когнитивно-коммуникативных, семиотических и лингво-прагматических.

Когнитивно-коммуникативные основания РДТ формируются вокруг понятия риторического текстотипа как ментального образца эффективного текста, программируемого коммуникативным контекстом и структурой коммуникативного акта. Идея текста-образца, текста-модели, текста-прототипа уходит корнями в исследования Н. А. Бернштейна, П. Я. Гальперина, А. А. Леонтьева, Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева.

Принятый на вооружение риторический текстотип способен наделять продуцируемый текст параметрами, обеспечивающими его эффективность, под которой мы понимаем способность текста успешно реализовывать целеполагание адресанта. В систему свойств риторического текста мы включаем: актуальность, масштабируемую на массовую аудиторию; акциональность как возможность текста выступать инструментом моделирования и регулирования действительности; персуазивность, основанную на аргументированности; публичность; диалогичность как результат авторства и адресности; осознанность как целенаправленное следование

риторическому канону — технологии создания текста, предписывающей поэтапное текстопроизводство.

Предлагаемая параметризация текстотипа обусловлена структурой коммуникативного акта (см.: [Городецкий 1989]) и позволяет установить корреляции между составляющими последнего и свойствами риторического текста: коммуниканты / авторство и адресность, как следствие — диалогичность; обстоятельства общения / публичность; коммуникативная цель / персуазивность; практическая цель / акциональность; процессы вербализации и понимания / ориентация на актуальность предмета речи для реципиента как базовое условие понимания; коммуникативный текст / технологическая осознанность текстообразования [Голышкина 2020: 14].

Семиотические основания РДТ задаются критерием технологической осознанности текстообразования: понимание текстообразующего замысла осуществляется путем декодирования, «распаковки» риторического текстокода, воплощенного в риторическом каноне.

Известно, что риторический канон представляет собой классическую технологию создания текста, отражающую универсальный идеоречевой цикл в виде базовых этапов «трансформации мысли в слово» — инвенции, диспозиции и элокуции [Безменова 1991; Ворожбитова 2005].

Канон мы понимаем в качестве текстообразующего кода, владение которым позволяет продуценту построить эффективный текст. Такая трактовка коррелирует с подходом У. Эко, где «код — это структура, представленная в виде модели, выступающая как основополагающее правило при формировании ряда конкретных сообщений, которые именно благодаря этому и обретают способность быть сообщаемыми» [Эко 2004: 84]. Иначе говоря, структура риторического канона, представленная парадигмой этапов текстообразования, обеспечивает кодирование, процесс которого должен быть осмыслен и реконструирован декодировщиком, оценивающим эффективность текстовой деятельности продуцента.

Лингвопрагматические основания РДТ формируются путем переосмысления представлений о том, что «порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (on-line)» [Дейк ван 2015: 171], что позволяет нам связывать каждый этап риторического канона с актуализацией соответствующей стратегии — инвентивной, диспозитивной и элокутивной.

Инвентивная стратегия инициирует текстообразование: здесь происходит оформление мотива и построение во внутренней речи концептуального сценария зарождающегося текста. Реализовать инвентивную стратегию — значит осуществить ментальную разработку предметного содержания текста, сформировать его концепцию, основанную на триаде «тема — проблема — тезис» и ориентированную на достижение практической цели говорящего.

Диспозитивная стратегия текстообразования требует дальнейшей разработки содержательно-смысловых компонентов текста и их упорядочивания, результатом чего становится создание композиционно-аргументационной структуры текста. Конструирование текстовой структуры подчиняется коммуникативной цели говорящего и в значительной степени обеспечивает персуазивный эффект текста.

Элокутивная стратегия определяет селекцию и комбинацию языковых средств, способствующих наиболее эффективной реализации целеполагания субъекта речи, а также созданию в ситуации публичной коммуникации диалогичности текста, установлению и поддержанию интерперсональных отношений.

Описанные риторические стратегии текстообразования в случае декодирования исследуются нами в направлении от элокуции к инвенции, что соответствует логике воспринимающего и декодирующего текст.

Выявление стратегий текстообразования и объективирующих их способов и средств вербализации определяют сущность обосновываемого нами метода — **риторической реконструкции текстообразования**.

Таким образом, РДТ оказывается направленным на извлечение из текста информации о коммуникативном акте, о контекстной модели продуцента, на декодирование его представлений о тексте-образце, обеспечивающих эффективное текстообразование, на обнаружение и систематизацию способов и средств вербализации стратегий создания текста, коррелирующих с этапами риторического канона.

ПРОЦЕДУРА РИТОРИЧЕСКОГО ДЕКОДИРОВАНИЯ ТЕКСТА

Предлагаемая аналитическая процедура релевантна в первую очередь для диагностики эффективности текстов ритуальной политической коммуникации, которые в силу их перформативной природы активно формируют «коммуникативные события» (Т. ван Дейк).

Известно, что ритуальная, или протокольно-этикетная, речь является действен-

ным инструментом вербальной манифестации принятых социумом программ поведения. Цель такого вида речи — соблюдение традиций общения в той или иной официальной ситуации, выполнение соответствующих требований ритуала и этикета [Стернин 2003: 190], направленных путем стереотипизации на передачу культурного опыта, на формирование общей системы ценностей и, соответственно, универсальной картины мира. По меткому замечанию Е. Н. Зарецкой, «ритуальная речь произносится для того, чтобы не выйти из социума, — и в этом ее целевая установка: „Я помню правила игры и по ним играю“» [Зарецкая 1998: 48].

Основным материалом настоящей статьи послужил текст выступления на встрече в Кремле 23 июня 2020 г. Президента России В. В. Путина и Президента Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёева, прибывшего в Москву для участия в мероприятиях по случаю 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне [Путин, Мирзиёев 2020]. Данный текст мы рассматриваем как стандартное воплощение политической фатик, как типизированный вербальный перформанс, регулярно воспроизводимый в политической коммуникации (ср.: [Путин, Жапаров 2021; Путин, Пашиян 2021]).

Реализуем декодирование указанного текста, направленное на комплексное диагностирование его воздействующего потенциала.

На первый взгляд, текст организован по диалогическому принципу, демонстрирующему обмен репликами равностатусных участников политической коммуникации:

В. Путин: *Уважаемый Шавкат Миромонович, очень рад Вас видеть!*

Ш. Мирзиёев: *Спасибо, что приехали на торжества по случаю 75-летия Победы, на парад. Очень приятно, что подразделение вооружённых сил Узбекистана — по-моему, 75 человек — пройдёт завтра в Москве по Красной площади.*

Ш. Мирзиёев: *В первый раз, между прочим.*

В. Путин: *Это очень зримый знак наших особых союзнических отношений* (В. Путин, Ш. Мирзиёев, 23.06.2020).

Однако далее гладкая мена коммуникативных ролей завершается, и диалог трансформируется сначала в монолог В. Путина, затем — в монолог Ш. Мирзиёева. Очевидно, что такая трансформация диалога в монолог запрограммирована политическим протоколом и этикетом, обеспечивающим передачу коммуникативного лидерства с целью демонстрации равностатусных отношений глав государств в условиях официаль-

ной встречи. Принцип формализованной диалогичности прослеживается и в других приветственных президентских речах (см.: Путин, Жапаров 2021; Путин, Пашинян 2021).

На элокутивном этапе РДТ мы верифицируем такие свойства риторического текста, как публичность и диалогичность, которые суть корреляты таких составляющих коммуникативного акта, как обстоятельства общения и коммуниканты.

Здесь осуществляется **реконструкция элокутивной стратегии текстообразования**, заключающаяся прежде всего в выявлении лексических и синтаксических средств, обеспечивающих доступность восприятия текста разнородной массмедийной аудитории в ситуации публичной коммуникации.

Так, в речевых партиях участников анализируемого ритуального диалога отмечаем использование характерных для разговорного дискурса синтаксических конструкций, содержащих, согласно терминологии Е. В. Падучевой, анафорическое *это* с предикативным или предметным антецедентом [Падучева 2016]: *Это очень зримый знак наших особых союзнических отношений; Всё это наша общая история, наши общие достижения и наша общая Победа* (В. Путин, 23.06.2020); *Как Вы уже сказали, это наша общая история, общая Победа; Это дань памяти дедов и отцов, которые отдали свои жизни за сегодняшний день. Это имеет очень большое патриотическое значение для народа Узбекистана и особенно сегодня для молодёжи* (Ш. Мирзиёев, 23.06.2020).

Критерий публичности обуславливает формирование тематического поля разделяемых политическими лидерами аксиологем, конвенционально принимаемых аудиториями: *уникальные стратегические союзнические отношения, стратегическое партнёрство, сотрудничество, общая история, общая Победа, память, патриотическое значение* и т. п.

Реконструкция элокутивной стратегии связана и с анализом средств выразительности — тропов и фигур, служащих инструментом аттракции в ситуации публичной коммуникации. Из использованного арсенала тропов отметим достаточно стандартные явления метонимии: *...подразделение вооружённых сил Узбекистана... пройдет завтра в Москве по Красной площади; Сотрудничают наши вооружённые силы* (В. Путин, 23.06.2020); *...военно-техническое сотрудничество у нас хорошо работает, культурно-гуманитарные связи очень хорошо работают* (Ш. Мирзиёев, 23.06.2020).

Отметим хотя и нечастотные, но тем не менее встречающиеся в данном тексте стереотипные политические метафоры: *...их (= дедов и прадедов. — Л. Г.) кровью вырвана эта Победа; ...поправки, которые будут служить народу России* (Ш. Мирзиёев, 23.06.2020).

В качестве тропеического средства выступают повторы, сопровождающиеся синтаксическим параллелизмом, а также эллипсис: *...мы вместе с нашими российскими коллегами из Министерства обороны нашли, выявили новые грани; Это большая цифра. <...> Это тоже большая цифра; ...в Узбекистане за последние два года 10 филиалов российских вузов открылось, 7 — за последние два года* (Ш. Мирзиёев, 23.06.2020).

Обращает на себя внимание некоторое злоупотребление узбекского лидера таким приемом, как парентеза, который представляет собой вставку в структуру высказывания и реализует в данном случае речевую тактику «апелляция к авторитету»: *...стратегическое партнёрство, союзнические отношения наполнились реальным результатом по всем направлениям, о которых Вы сегодня сказали; Как Вы уже сказали, военнотехническое сотрудничество у нас хорошо работает...* (Ш. Мирзиёев, 23.06.2020).

С нашей точки зрения, частотность этого приема (мы выявили 5 случаев актуализации) объясняется коммуникативными традициями высококонтекстной культуры Центральной Азии, ориентированными на ценности показного уважения и демонстрацию иерархии.

Поскольку объектом нашего анализа выступает ритуальная речь, отметим и арсенал используемых фатических средств, обилие которых объясняется режимом церемониального субъект-субъектного взаимодействия, актуального для публичного политического диалога. Это прежде всего обращения политических лидеров, а также многочисленные этикетные формулы, речевые акты поздравления, пожелания, благодарности и приглашения: *Уважаемый Шавкат Миромонович, очень рад Вас видеть! Спасибо, что приехали на торжества по случаю 75-летия Победы, на парад; Шавкат Миромонович, я очень рад Вас видеть. Ещё раз добро пожаловать* (В. Путин, 23.06.2020); *Уважаемый Владимир Владимирович! Во-первых, я очень благодарен за приглашение. Хочу от имени многонационального народа Узбекистана и от себя лично Вас и весь народ России поздравить с этим великим праздником — праздником победы над фашизмом; Пользуясь случаем, хочу пожелать успехов; Еще раз благодарю Вас*

за приглашение (Ш. Мирзиёев, 23.06.2020); Хочу пригласить Вас на обед (В. Путин, 23.06.2020).

Фатические средства, по сути, работают на обеспечение диалогичности риторического текста как его базового типологического параметра. В ритуальных жанрах политической коммуникации «доминирует фатика интеграции» [Шейгал 2004: 246], которая определяет диалогический характер отношений коммуникантов и позволяет ритуальному политическому дискурсу выступать средством формирования и поддержания традиций власти [Олянич 2007: 46].

Реконструкция элокутивной стратегии требует выявления всего комплекса средств диалогичности. Тем более когда речь идет о политическом дискурсе, который немаловажен без средств авторизации и особенно адресации, обеспечивающих коммуникативную интеракцию, сокращающую дистанцию между политиком и электоратом: это местоимения 1-го и 2-го лица, притяжательные местоимения, *мы*- и *вы*-высказывания, обращения, побудительные конструкции.

Анализируемый текст не является исключением и демонстрирует выраженную диалогичность, которая поддерживается как структурно-композиционной организацией текста с предусмотренной меной коммуникативных ролей и соответствующих речевых партий, так и его лексическим и семантико-синтаксическим воплощением.

Отметим, что авторизация здесь достаточно устойчиво осуществляется обеими сторонами посредством так называемых *я*-высказываний, что естественно в ситуации фатического общения равноправных политических коммуникантов: *Я знаю...; ...я очень рад Вас видеть; Хочу отметить, что у нас неплохо развиваются и кулинарные связи* (В. Путин, 23.06.2020); *...я очень благодарен за приглашение; ...хочу поблагодарить наших российских коллег, особенно Министерство обороны; И хочу, чтобы созданный парк, мемориальный комплекс служил воспитанию особенно молодежи...; Думаю, пандемия немного наши планы сорвала...* (Ш. Мирзиёев, 23.06.2020).

Адресация обеспечивается преимущественно *мы*-высказываниями, эксплицирующими как непосредственно президентское партнерство (*мы с Вами*), так и аксиологическую общность народов двух стран, связанных в недавнем прошлом общей историей: *Конечно, Владимир Владимирович, всё, что мы с Вами за последние 2,5 года делали — стратегическое партнёрство, союзнические отношения наполнились реальным результатом по всем направлениям...; Это*

та память, о которой мы не должны никогда забывать (Ш. Мирзиёев, 23.06.2020).

Таким образом, декодирование стратегии элокуции свидетельствует, безусловно, об осознанном подходе субъектов речи к таким риторическим требованиям, как публичность и диалогичность. Однако в силу условий, задаваемых ритуальной политической коммуникацией, текст характеризуется избыточной фатичностью, наличием стандартизированных политических аксиологем и стереотипных тропов.

На диспозитивном этапе РДТ мы выявляем механизмы формирования такого существенного свойства риторического текста, как основанная на аргументированности персуазивность. Последняя выступает коррелятом такого компонента акта коммуникации, как коммуникативная цель субъекта речи.

При этом **реконструкция диспозитивной стратегии** осуществляется путем комплексного анализа композиционной организации текста, в котором мы обозначили структурно-семантический, аргументационный и формально-прагматический аспекты.

Так, структурно-семантический аспект связан с анализом селекции и комбинации коммуникативных регистров речи — строевых единиц текста, обеспечивающих смыслообразование. Коммуникативные регистры — отвлеченные от конкретных текстов «однородные структурно-композиционные формы речи, объединенные внутри и противопоставленные друг другу по способу восприятия и познания мира (и соответственно по типу ментального процесса), по категориальному характеру воспринимаемых явлений и по коммуникативным интенциям говорящего» [Золотова 2004: 29]. Процедура членения текста на базовые коммуникативные регистры (репродуктивный и информативный и их подвиды, генеритивный) представляет собой, по сути, поиск определенных способов ментальной и сенсорной фиксации фрагментов картины мира. В том или ином регистре проявляются разные степени участия сознания индивида в процессе отражения действительности, разные уровни абстрагирования говорящего от действительности.

Аргументационный аспект проливает свет на механизмы создания персуазивности путем анализа аргументативных функций коммуникативных регистров и принципов конструирования ими аргументационных комплексов.

Формально-прагматический аспект предполагает описание суперструктуры текста, включающей такие макрокомпоненты риторического текста, как вступление, основная часть и заключение. Построение суперструк-

туры обуславливает интеграцию аргументационных комплексов и их включение в основную часть риторического текста, а также оформление коммуникативно-прагматической рамки текста — вступления и заключения, активизирующих внимание реципиента и оказывающих тем самым воздействующий эффект.

Результатом диспозитивного декодирования становится выявленная цепь трансформаций композиционных единиц разных уровней, демонстрирующая последовательное преобразование смыслов в направлении от содержания к функции и только затем к форме, что отражает избранный нами подход «от понимания к объяснению» (см.: [Рикер 2008: 35—38]).

Рассмотрим цепь смыслоформирующих преобразований на заявленном текстовом материале. Отметим, что тезис в данном тексте не вербализован в силу его контекстуальной очевидности: он легко реконструируется реципиентами в виде суждения: *Россия и Узбекистан имеют особые союзнические отношения*.

Уже в самом начале диалога В. Путин без всякого суждения-подтезиса, возникающего обычно в результате содержательно-смыслового деления тезиса, начинает выстраивать средствами информативного регистра речи систему аргументов в поддержку имплицированного тезиса: *...Подразделение вооружённых сил Узбекистана — по-моему, 75 человек — пройдёт завтра в Москве по Красной площади* (аргумент 1). *<...> Я знаю, что 9 мая Вы открыли в Ташкенте парк Победы* (аргумент 2). *И в связи с этим, конечно, нельзя не вспомнить, что во время войны на фронт ушли 2 миллиона жителей Узбекистана. 500 тысяч человек погибли, 130 тысяч — пропали без вести. Это большие потери* (аргумент 3). *Но вы приняли 2 миллиона людей из всех республик Советского Союза тогда в эвакуацию* (аргумент 4). *<...> Большое количество промышленных предприятий было переведено в Узбекистан, они буквально „с колёс“ начали работать в интересах фронта* (аргумент 5). *Всё это наша общая история, наши общие достижения и наша общая Победа* (генеритивный регистр = вывод) (В. Путин, 23.06.2020).

Такое обилие фактуальной информации, отражающей героическую историю Узбекистана, очевидная проработанность аргументов, формирующих солидный аргументационный комплекс, а также вывод в виде генеритивного умозаключения есть свидетельство идеологической значимости концепта «Великая Отечественная война» в поддер-

жании дружественных межгосударственных отношений.

Далее Президент РФ вводит суждение-подтезис и выстраивает следующий аргументационный комплекс: *Сегодня, конечно, мы развиваемся как независимые государства, но у нас абсолютно уникальные стратегические союзнические отношения* (генеритивный регистр = суждение-подтезис). *Мы работаем и по линии экономики* (информативный регистр = аргумент 1), *по линии взаимодействия наших специальных служб, вместе боремся с терроризмом* (информативный регистр = аргумент 2). *Сотрудничают наши вооружённые силы* (информативный регистр = аргумент 3). *Мы, конечно, большое внимание уделяем гуманитарной сфере, сотрудничеству в области образования, культуры* (информативный регистр = аргумент 4) (В. Путин, 23.06.2020).

Здесь отмечаем принципиально иной характер аргументации: отсутствуют исторические сведения и статистические данные, семантика высказываний-аргументов тяготеет к генерализации.

Таким образом, в монологической партии В. Путина получают реализацию два аргументационных комплекса, которые мы условно обозначаем как «Великая Отечественная война в истории Узбекистана» и «Сотрудничество России и Узбекистана».

Аргументационные комплексы той же тематической направленности формируют и смысловую структуру монологической партии Ш. Мирзиёева. В построении же самих аргументационных комплексов Президент Узбекистана реализует зеркальный принцип: он расширяет и конкретизирует аргументы российского коллеги, сопровождая их соответствующей оценкой. Иначе говоря, между аргументационными комплексами разных субъектов речи возникает смысловая переключка: *Парк, о котором Вы сегодня уже упоминали, — на самом деле к 9 Мая мы открыли большой мемориальный комплекс* (информативный регистр = аргумент 1). *<...> Это дань памяти дедов и отцов, которые отдали свои жизни за сегодняшний день. Это имеет очень большое патриотическое значение для народа Узбекистана и особенно сегодня для молодёжи. Он получился фундаментальным* (оценочный комментарий). *<...> Владимир Владимирович, то, что Вы сказали: раньше была цифра 1,5 миллиона. А когда мы два года поработали, выяснили, что 2 миллиона узбекистанцев ушли на фронт, и данные о тех, кто не вернулся, пропал без вести, те цифры, которые мы вместе с нашими российскими коллегами из Министерства обо-*

роны нашли, выявили новые грани (информативный регистр = аргумент 2). *Это та память, о которой мы не должны никогда забывать* (генеритивный регистр = вывод) (Ш. Мирзиёев, 23.06.2020).

Недостаток количественных показателей и статистических данных, отмеченный в аргументационном комплексе «Сотрудничество России и Узбекистана» В. Путина, компенсируется в одноименном аргументационном комплексе Ш. Мирзиёевым средствами информативного регистра речи: *В товарообороте мы относительно 2019 года около 18 процентов плюсом вышли* (аргумент 1). *Это большая цифра. Мы с Вами договаривались о 10 миллиардах, но уже приближаемся к 7 миллиардам — 6,6, если говорить точнее* (аргумент 2). <...> *Как Вы уже сказали, военно-техническое сотрудничество у нас хорошо работает, культурно-гуманитарные связи очень хорошо работают. Как мы договаривались, уже в Узбекистане за последние два года 10 филиалов российских вузов открылось, 7 — за последние два года. По итогам этого года ещё 4 филиала договариваются открыть в Узбекистане* (аргумент 3). <...> *Культурно-гуманитарная составляющая, я Вам говорил, что 100-томник российской литературы перевели на узбекский язык* (аргумент 4) (Ш. Мирзиёев, 23.06.2020).

Известно, что в текстах ритуальной коммуникации наблюдается замещение информативности фатикой, подчинение вербальных составляющих форме сообщения [Гудков 1998], что, на первый взгляд, не предполагает аргументации. Однако сделанные наблюдения свидетельствуют как раз о востребованности аргументационного моделирования ритуальной речью, что объясняется ее нацеленностью на формирование доверия массовой аудитории. Ритуальная политическая речь отнюдь не игнорирует информативную составляющую и нуждается в аргументации как способе тексто- и смыслообразования. Так, по мнению исследователей, ритуальность и информативность выступают в качестве антонимического основания политической коммуникации, ее типового свойства [Современная политическая коммуникация 2009: 42—43]. Другое дело, что в силу конвенциональности самой ритуальной речи, а также вследствие обилия в ее структуре фатических и стандартизированных перформативных составляющих (типа многочисленных актов благодарности и пожеланий) ее аргументационный потенциал оказывается ослабленным.

Стоит обратить внимание на суперструктуру анализируемого текста, где вступление

и заключение на правах принимающего иницированы В. Путиным, а основная часть состоит из двух монологических компонентов, позволяющих обоим политическим лидерам выступить сольно.

Таким образом, декодирование диспозитивной стратегии свидетельствует о персуазивности описываемого политического диалога в части его композиционно-аргументационной разработанности. Но протокольно-этикетный характер самой коммуникативной ситуации и нагруженность текста фатическими средствами и высказываниями-перформативами, традиционно сопровождающими политические церемонии, ослабляют воздействие аргументации, в определенной степени десемантизируют текст с позиции его восприятия широкой аудиторией.

На инвентивном этапе РДТ мы реконструируем содержательно-концептуальные основания замысла говорящего. Этот этап декодирования связан с верификацией таких свойств риторического текста, как актуальность и акциональность.

Актуальность трактуется нами как ориентация продуцента на информационные потребности реципиента в режиме «здесь и сейчас». Актуальность предмета речи выступает своего рода катализатором понимания текста адресатом.

Акциональность, в свою очередь, есть коррелят практической цели продуцента, которая представляет собой тот результат, который субъект речи предполагает достичь посредством текста в рамках того или иного вида социальной деятельности. Идею акциональности, связанную с моделированием той реальности, которая необходима говорящему, особенно наглядно эксплуатирует именно политический дискурс.

Реконструкция инвентивной стратегии текстообразования включает анализ объективации триады «тема — проблема — тезис», обусловливающей диктумное содержание текста. Именно эта триада выступает индикатором актуальности текста, его востребованности аудиторией.

Так, тему, понимаемую как результат вербализации в речи того или иного представления о предмете, сформулировать в данном случае оказывается просто: дружественная встреча в преддверии Дня Победы президентов России и Узбекистана. Что касается проблемы, то ритуальная коммуникация, как правило, избегает выдвижения и вербализации проблем — положений, выраженных в форме противоречий и требующих своего разрешения. Тем самым снижается актуальность текста для широкой аудитории, как следствие — его воздействующий эффект.

Как было отмечено выше, тезис текста оказывается невербализованным в силу его очевидной обусловленности самой ситуацией встречи политических лидеров. В структуре текста его место занимает речевой акт благодарности Президента РФ Президенту Узбекистана за приезд в Москву по случаю 75-летия Победы. Укажем, что невербализация тезиса не является риторическим текстообразующим нарушением. Однако именно публичное предъявление тезиса все же облегчает процессы восприятия и понимания в ситуации устной публичной коммуникации.

Акциональность описываемого текста как инструмента ритуальной политической коммуникации обусловлена его перформативной функцией — способностью самим актом своей актуализации совершать действие. Иначе говоря, без данного ритуального текста встреча двух президентов просто не могла бы состояться. Соответственно, практическая цель акта коммуникации не была бы достигнута. Мы квалифицируем данный политический текст как вербальный перформанс, но актуальный преимущественно для его исполнителей.

Таким образом, декодирование инвентивной стратегии свидетельствует об уязвимости параметра актуальности протокольно-этикетных текстов и одновременно о перформативной природе ритуального политического дискурса, призванного обеспечивать потребности власти в поддержании традиций социума и установленного миропорядка.

ВЫВОДЫ

Реализованное риторическое декодирование ритуального политического текста позволяет квалифицировать его в качестве объекта, эксплуатирующего модель риторического текстотипа, параметрами эффективности которого выступают технологическая осознанность, диалогичность, публичность, персуазивность, основанная на аргументированности, актуальность, акциональность.

Однако действенность указанных свойств в формировании воздействующего эффекта подчиняется ритуальности, задаваемой практической и коммуникативной целями участников политического диалога. Как следствие, мы констатируем стереотипность используемых политиками аксиологем и тропов, доминирование фатичности над аргументированностью, реализацию зеркального принципа в аргументации, минимизацию актуальности диктумного содержания для массовой аудитории. Отмеченные явления формируют так называемые зоны рито-

рического риска, сигнализирующие о снижении эффективности текста и его воздействующих возможностей.

Проведенный анализ свидетельствует о методологическом потенциале риторической реконструкции текстообразования, которая выступает в качестве инструмента диагностирования как сильных сторон текста, обеспечивающих его результативность, так и слабых, являющихся индикатором риторической уязвимости.

ИСТОЧНИКИ

1. Путин, Жапаров. Встреча с Президентом Киргизии Садыром Жапаровым. 24.02.2021 // Президент России : сайт. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65069> (дата обращения: 22.03.2021). — Текст : электронный.
2. Путин, Мирзиёев. Встреча с Президентом Узбекистана Шавкатом Мирзиёевым. 23.06.2020 // Президент России : сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63552> (дата обращения: 12.03.2021). — Текст : электронный.
3. Путин, Пашинян. Встреча с Премьер-министром Армении Николом Пашиняном. 11.01.2021 // Президент России : сайт. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64883> (дата обращения: 22.03.2021). — Текст : электронный.

ЛИТЕРАТУРА

4. Безменова, Н. А. Очерки по теории и истории риторики / Н. А. Безменова. — Москва : Наука, 1991. — 215 с. — Текст : непосредственный.
5. Богин, Г. И. Обретение способности понимать: введение в филологическую герменевтику / Г. И. Богин. — Москва : Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. — 516 с. — Текст : непосредственный.
6. Ворожбитова, А. А. Теория текста: антропоцентрическое направление / А. А. Ворожбитова. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Высшая школа, 2005. — 367 с. — Текст : непосредственный.
7. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. — Москва : Искусство, 1991. — 367 с. — Текст : непосредственный.
8. Гольшккина, Л. А. Риторика декодирования: теоретико-методологическое обоснование научного направления / Л. А. Гольшккина. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2020. — № 5. — С. 9—24. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24.
9. Городецкий, Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения / Б. Ю. Городецкий. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1989. — Вып. 24 : Компьютерная лингвистика. — С. 5—31.
10. Гудков, Д. Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе / Д. Б. Гудков. — Текст : непосредственный // Политический дискурс в России-2 : материалы рабочего совещания. — Москва : Диалог-МГУ, 1998. — С. 30—36.
11. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Изд. 2-е. — Москва : ЛЕНАНД, 2015. — 320 с. — Текст : непосредственный.
12. Дейк, Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч. — Текст : непосредственный // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1988. — Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. — С. 153—211.
13. Жинкин, Н. И. Механизмы речи / Н. И. Жинкин. — Москва : АПН РСФСР, 1958. — 370 с. — Текст : непосредственный.
14. Залевская, А. А. Понимание текста: психолингвистический подход / А. А. Залевская. — Калинин : КГУ, 1988. — 95 с. — Текст : непосредственный.
15. Зарецкая, Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. — Москва : Дело, 1998. — 480 с. — Текст : непосредственный.
16. Зимняя, И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения / И. А. Зимняя. — Текст : непосредственный // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). — Москва : Наука, 1976. — С. 5—33.

17. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Ониненко, М. Ю. Сидорова. — Москва, 2004. — 544 с. — Текст : непосредственный.
18. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. — Москва : Смысл, 1997. — 287 с. — Текст : непосредственный.
19. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. — Москва : Гнозис, 2007. — 407 с. — Текст : непосредственный.
20. Падучева, Е. В. Указательные местоимения / Е. В. Падучева. — Текст: электронный // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики : сайт. — Москва, 2016. — URL: http://rusgram.ru/Указательные_местоимения (дата обращения: 12.03.2021).
21. Рикер, П. Модель текста: осмысленное действие как текст / П. Рикер. — Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. — 2008. — Т. 7. — № 1. — С. 25—43.
22. Современная политическая коммуникация / отв. ред. А. П. Чудинов ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2009. — 292 с. — Текст : непосредственный.
23. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста / Ю. А. Сорокин. — Москва : Наука, 1985. — 168 с. — Текст : непосредственный.
24. Стернин, И. А. Практическая риторика / И. А. Стернин. — Москва : Академия, 2003. — 272 с. — Текст : непосредственный.
25. Чудинов, А. П. Политическая метафорология: дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Москва : Флинта, 2020. — 236 с. — Текст : непосредственный.
26. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.
27. Штерн, А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности (экспериментальное исследование) / А. С. Штерн. — Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1992. — 236 с. — Текст: непосредственный.
28. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. — 544 с. — Текст : непосредственный.
29. Baudrillard, J. Simulacres et simulation / J. Baudrillard. — Paris : Galilée, 1981. — 235 p. — Text : unmediated.
30. Johnson-Laird, P. N. Mental models: Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness / P. N. Johnson-Laird. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1983. — 528 p. — Text : unmediated.
31. Kintsch, W. The use of knowledge in discourse comprehension: a construction-integration model / W. Kintsch. — Text : unmediated // Psychological Review. — 1988. — Vol. 95. — P. 163—182.

L. A. Golyshkina

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

ORCID ID: — ☒

☒ **E-mail:** ludmila200273@mail.ru.

Rhetorical Decoding of the Text of Ritual Political Communication

ABSTRACT. *The purpose of the article is to test the concept of rhetorical decoding on the material of the text of ritual political communication – the welcome dialogue between the President of Russia V.V. Putin and the President of the Republic of Uzbekistan Sh. M. Mirziyoyev, who arrived in Moscow in connection with the 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War. The study describes cognitive-communicative, semiotic and linguopragmatic foundations of rhetorical decoding. Rhetorical decoding reveals the mechanisms of text generation that implement the intention of the speaker in the light of their ideas about the text effectiveness. The author introduces the concept of a rhetorical text type as a mental pattern of effectiveness suggested by the structure of the communicative act and a cognitive reference point for recognizing the speaker's text-forming intention. The leading research method is the rhetorical reconstruction of text generation. It allows to gradually consider the methods and means of verbalization of text generation strategies — inventive, dispositive and elocutive. Rhetorical reconstruction acts as a tool for diagnosing the effectiveness of a text, and also identifies areas of its rhetorical risks.*

Decoding this ritual political text makes it possible to qualify it as an object based on the model of the rhetorical text type. Rhetorical reconstruction shows that the parameters of rhetorical effectiveness in the protocol-etiquette political text turn out to be subordinate to the ritual aspect set by the goal setting of the speaker. Rituality determines the stereotype of the axiologemes and tropes used by politicians, the dominance of the phatic side over argumentation, the implementation of the mirror principle in argumentation, and minimization of the urgency of the dictum content for mass audience. These phenomena form the zones of rhetorical risks of the ritual political text.

The study demonstrates the validity of rhetorical reconstruction as an analytical procedure that reveals the mechanisms of constructing a typified ritual political text and diagnoses its effectiveness. The results can be used in the following areas: practice of linguistic expertise, training in linguistic text analysis and slow reading technologies, and speechwriting.

KEYWORDS: *political discourse; linguopersonology; linguistic personality; politicians; political rhetoric; speech behavior; political speeches; political linguistics; speech genres; presidential rhetoric; presidents; speech; text generation; rhetorical decoding; rhetorical reconstruction; text generation strategies; ritual speeches; political communication; text effectiveness; rhetorical risks.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Golyshkina Lyudmila Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Philology of the Faculty of Humanities Education, Dean of the Faculty of Advanced Studies, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.*

FOR CITATION: *Golyshkina, L. A. Rhetorical Decoding of the Text of Ritual Political Communication / L. A. Golyshkina // Political Linguistics. — 2021. — No 3 (87). — P. 56-66. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_05.*

MATERIALS

1. Putin, Japarov. Meeting with President of Kyrgyzstan Sadyr Japarov. 02.24. 2021 // President of Russia: website. [Vstrecha s Prezidentom Kirgizii Sadyrom Zhaparovym. 24.02. 2021 //

Prezident Rossii : sayt]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65069> (date of access: 22.03.2021). — Text : electronic.

2. Putin, Mirziyoyev. Meeting with President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev. 06.23.2020 // President of Russia : website.

[Vstrecha s Prezidentom Uzbekistana Shavkatom Mirziyoyevym. 23.06.2020 // Prezident Rossii : sayt]. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63552> (date of access: 12.03.2021). — Text : electronic.

3. Putin, Pashinyan. Meeting with Prime Minister of Armenia Nikol Pashinyan. 11.01.2021 // President of Russia : website. [Vstrecha s Prem'er-ministrom Armenii Nikolom Pashinyanom. 11.01.2021 // Prezident Rossii : sayt]. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64883> (date of access: 22.03.2021). — Text : electronic.

REFERENCES

4. Bezmenova, N. A. Essays on the Theory and History of Rhetoric / N. A. Bezmenova. — Moscow : Science, 1991. — 215 p. — Text : unmediated. [Ocherki po teorii i istorii ritoriki / N. A. Bezmenova. — Moskva : Nauka, 1991. — 215 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

5. Bogin, G. I. Gaining the Ability to Understand: an Introduction to Philological Hermeneutics / G. I. Bogin. — Moscow : Psychology and Business Online, 2001. — 516 p. — Text : unmediated. [Obretenie sposobnosti ponimat': vvedenie v filologicheskuyu germenevtiku / G. I. Bogin. — Moskva : Psikhologiya i Biznes OnLayn, 2001. — 516 c. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

6. Vorozhbitova, A. A. Text Theory: Anthropocentric Direction / A. A. Vorozhbitova. — Ed. 2nd, rev. and add. — Moscow : Higher School, 2005. — 367 p. — Text : unmediated. [Teoriya teksta: antropotsentricheskoe napravlenie / A. A. Vorozhbitova. — Izd. 2-e, ispr. i dop. — Moskva : Vysshaya shkola, 2005. — 367 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

7. Gadamer, G.-G. Relevance of the Beautiful / G.-G. Gadamer. — Moscow : Art, 1991. — 367 p. — Text : unmediated. [Aktual'nost' prekrasnogo / G.-G. Gadamer. — Moskva : Iskustvo, 1991. — 367 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

8. Golyshkina, L. A. Rhetoric of Decoding: Theoretical and Methodological Substantiation of the Scientific Direction / L. A. Golyshkina. — Text : unmediated // Scientific Dialogue. — 2020. — No. 5. — P. 9—24. [Ritorika dekodirovaniya: teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie nauchnogo napravleniya / L. A. Golyshkina. — Tekst : neposredstvennyy // Nauchnyy dialog. — 2020. — № 5. — S. 9—24]. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-9-24. — (In Rus.)

9. Gorodetskiy, B. Yu. Computer Linguistics: Modeling of Language Communication / B. Yu. Gorodetskiy. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow : Progress, 1989. — Iss. 24: Computational Linguistics. — P. 5—31. [Komp'yuternaya lingvistika: modelirovanie yazykovogo obshcheniya / B. Yu. Gorodetskiy. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva : Progress, 1989. — Vyp. 24 : Komp'yuternaya lingvistika. — S. 5—31]. — (In Rus.)

10. Gudkov, D. B. Rituals and Precedents in Political Discourse / D. B. Gudkov. — Text : unmediated // Political Discourse in Russia-2: materials of the workshop. — Moscow : Dialogue-MGU, 1998. — P. 30—36. [Ritualy i pretsedenty v politicheskom diskurse / D. B. Gudkov. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskii diskurs v Rossii-2 : materialy rabochego soveshchaniya. — Moskva : Dialog-MGU, 1998. — S. 30—36]. — (In Rus.)

11. Dijk, T. A. van. Language. Cognition. Communication / T. A. van Dijk. — Ed. 2nd. — Moscow : LENAND, 2015. — 320 p. — Text : unmediated. [Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya / T. A. van Deyk. — Izd. 2-e. — Moskva : LENAND, 2015. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

12. Dijk, T. A. van. Strategies for Understanding a Coherent Text / T. A. van Dijk, V. Kinch. — Text : unmediated // New in Foreign Linguistics. — Moscow, 1988. — Iss. 23: Cognitive Aspects of a Language. — P. 153—211. [Strategii ponimaniya svyaznogo teksta / T. A. van Deyk, V. Kinch. — Tekst : neposredstvennyy // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. — Moskva, 1988. — Vyp. 23 : Kognitivnye aspekty yazyka. — S. 153—211]. — (In Rus.)

13. Zhinkin, N. I. Mechanisms of Speech / N. I. Zhinkin. — Moscow : APN RSFSR, 1958. — 370 p. — Text : unmediated. [Mekhanizmy rechi / N. I. Zhinkin. — Moskva : APN RSFSR, 1958. — 370 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

14. Zalevskaya, A. A. Understanding the Text: a Psycholinguistic Approach / A. A. Zalevskaya. — Kalinin : KSU, 1988. —

95 p. — Text : unmediated. [Ponimanie teksta: psikholingvisticheskiy podkhod / A. A. Zalevskaya. — Kalinin : KGU, 1988. — 95 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Zaretskaya, E. N. Rhetoric: Theory and Practice of Speech Communication / E. N. Zaretskaya. — Moscow : Delo, 1998. — 480 p. — Text : unmediated. [Ritorika: teoriya i praktika rechevoy kommunikatsii / E. N. Zaretskaya. — Moskva : Delo, 1998. — 480 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

16. Zimnyaya, I. A. Semantic Perception of the Speech Message / I. A. Zimnyaya. — Text : unmediated // Semantic Perception of a Speech Message (in terms of mass communication). — Moscow : Science, 1976. — P. 5—33. [Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya / I. A. Zimnyaya. — Tekst : neposredstvennyy // Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya (v usloviyakh massovoy kommunikatsii). — Moskva : Nauka, 1976. — S. 5—33]. — (In Rus.)

17. Zolotova, G. A. Communicative Grammar of the Russian Language / G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Yu. Sidorova. — Moscow, 2004. — 544 p. — Text : unmediated. [Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka / G. A. Zolotova, N. K. Onipenko, M. Yu. Sidorova. — Moskva, 2004. — 544 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

18. Leont'ev, A. A. Fundamentals of Psycholinguistics / A. A. Leont'ev. — Moscow : Smysl, 1997. — 287 p. — Text : unmediated. [Osnovy psikholingvistiki / A. A. Leont'ev. — Moskva : Smysl, 1997. — 287 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Olyanich, A. V. Presentation Theory of Discourse / A. V. Olyanich. — Moscow : Gnosis, 2007. — 407 p. — Text : unmediated. [Prezentatsionnaya teoriya diskursa / A. V. Olyanich. — Moskva : Gnozis, 2007. — 407 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Paducheva, E. V. Demonstrative Pronouns / E. V. Paducheva. — Text : electronic // Materials for the Project of the Corpus Description of Russian Grammar : website. — Moscow, 2016. [Ukazatel'nye mestoimeniya / E. V. Paducheva. — Tekst : elektronnyy // Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki : sayt. — Moskva, 2016]. — URL: http://rusgram.ru/Ukazatel'nye_mestoimeniya (date of access: 12.03.2021). — (In Rus.)

21. Riker, P. Model of the Text: Meaningful Action as a Text / P. Riker. — Text : unmediated // Sociological Review. — 2008. — Vol. 7. — No. 1. — P. 25—43. [Model' teksta: osmyslennoe deystvie kak tekst / P. Riker. — Tekst : neposredstvennyy // Sotsiologicheskoe obozrenie. — 2008. — T. 7. — № 1. — S. 25—43]. — (In Rus.)

22. Modern Political Communication / resp. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Un-t. — Ekaterinburg : [s. l.], 2009. — 292 p. — Text : unmediated. [Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya / otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg : [b. i.], 2009. — 292 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

23. Sorokin, Yu. A. Psycholinguistic Aspects of the Study of the Text / Yu. A. Sorokin. — Moscow : Science, 1985. — 168 p. — Text : unmediated. [Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya teksta / Yu. A. Sorokin. — Moskva : Nauka, 1985. — 168 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

24. Sternin, I. A. Practical Rhetoric / I. A. Sternin. — Moscow : Academy, 2003. — 272 p. — Text : unmediated. [Prakticheskaya ritorika / I. A. Sternin. — Moskva : Akademiya, 2003. — 272 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

25. Chudinov, A. P. Political Metaphorology: a Discursive Turn / A. P. Chudinov, E. V. Budaev, O. A. Solopova. — Moscow : Flinta, 2020. — 236 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya metaforologiya: diskursivnyy povorot / A. P. Chudinov, E. V. Budaev, O. A. Solopova. — Moskva : Flinta, 2020. — 236 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

26. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse / E. I. Sheygal. — Moscow : Gnosis, 2004. — 326 p. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa / E. I. Sheygal. — Moskva : Gnozis, 2004. — 326 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

27. Shtern, A. S. Perceptual Aspect of Speech Activity (experimental research) / A. S. Shtern. — St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg University, 1992. — 236 p. — Text : unmediated. [Pertspektivnyy aspekt rechevoy deyatel'nosti (eksperimental'noe issledovanie) / A. S. Shtern. — Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Petersburgskogo universiteta, 1992. — 236 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

28. Eco, U. *Absent Structure. Introduction to Semiology* / U. Eco. — Saint Petersburg : Symposium, 2004. — 544 p. — Text : unmediated. [Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu / U. Eko. — Sankt-Peterburg : Simpozium, 2004. — 544 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

29. Baudrillard, J. *Simulacres et simulation* / J. Baudrillard. — Paris : Galilée, 1981. — 235 p. — Text : unmediated.

30. Johnson-Laird, P. N. *Mental models: Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness* / P. N. Johnson-Laird. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1983. — 528 p. — Text : unmediated.

31. Kintsch, W. The use of knowledge in discourse comprehension: a construction-integration model / W. Kintsch. — Text : unmediated // *Psychological Review*. — 1988. — Vol. 95. — P. 163—182.